

Россия может стать "другой Европой"

О том, почему переход от модерна к постмодерну опасен для европейской цивилизации и какую роль в преодолении мировоззрения эпохи "холодной войны" способна сыграть Россия, рассуждает **Хауке Ритц** — доктор философии, автор книги "Борьба за толкование Нового Времени", участник заседания группы "Мастерская Будущего" (форум "Петербургский диалог").

— В течение последних лет отношения между Россией и Европой постепенно усложнялись. Сегодня можно услышать, что у нас становится все меньше "точек пересечения", и мы вряд ли сможем построить общее политическое и культурное пространство. Это при том, что даже во время "холодной войны" существовала идея единой Европы от Лиссабона до Владивостока, о которой сегодня уже почти что и не вспоминают. На ваш взгляд, почему все так сложилось?

— Этот вопрос занимает меня уже многие годы. Почему "холодная война" продолжилась после того, как официально объявили о ее окончании? Почему не был использован шанс 1989 года? В поисках ответа я обратился к геополитическому бэкграунду современного мира. А именно — к противостоянию морских и континентальных держав, геополитике нефти, роли доллара как мировой и резервной валюты и т.д. Подобные исследования вскрыли множество взаимосвязей, которые скрыты для широкой публики, — по крайней мере, на Западе. В некоторой степени, они могут объяснить, почему мы все сейчас находимся в такой опасной ситуации.

Но чем больше я исследовал эту геополитическую аргументацию в своих работах, тем больше я понимал, что что-то упускаю. Потому что в истории есть периоды, когда геополитические выводы не столь значимы. Когда в 1815 году Венский Конгресс создавал мировой порядок XIX столетия, дипломаты пришли к довольно здравому решению включить в него Францию, несмотря на то, что она была проигравшим государством. После 1989 года западные элиты, напротив, старались исключить Россию из нового мирового порядка. Венский конгресс проходил в эпоху Просвещения. Возможно, именно это позволило преодолеть логику геополитического соперничества. Другими словами, существует культурная причина, почему западные элиты после 1989 года были неспособны реагировать на мирные инициативы Горбачева, а позднее — на предложения Ельцина и Путина.

— И в чем же заключаются культурные различия России и стран Запада?

— Дело в том, что за время "холодной войны" в западном мире произошла культурная трансформация, которая в философии часто обозначается как переход от модерна к постмодерну. И сегодняшний конфликт сформирован тем, что Запад считает ценности постмодерна такими же универсальными, как и ценности Французской революции или Просвещения. Россия же оспаривает этот тезис.

Но прежде чем мы начнем говорить о различиях, я хотел бы затронуть общие истоки. Мы должны помнить, что с конца XVIII до начала XX столетия мы наблюдали развитие общей европейской культуры на территории всего континента. Философия Просвещения зародилась в Англии и Франции, но она повлияла на всю Европу, включая Россию. Это же относится и к шокковым волнам Французской революции. Кроме того, философия немецкого идеализма, как второй этап Просвещения, получила широкое распространение среди русских интеллектуалов.

И, наконец, эта общая европейская культура создавалась благодаря появлению великой европейской живописи, музыки и литературы, во что Россия внесла большой вклад. В начале XX века, накануне Первой Мировой войны, Европа представляла собой единый континент в культурном отношении, частью которого была и Россия. Это единое развитие остановилось в 1917 году, после Октябрьской революции. А в 1946 году, после Второй Мировой войны, последние связи были разорваны с помощью "железного занавеса", как его назвал Уинстон Черчилль.

— То есть нынешнее непонимание между Западом и Россией — это результат "холодной войны"?

— Да, потому что "холодная война" разделила европейское наследие Просвещения. Это очень хорошо видно в отношении лейтмотива Французской революции — "Свобода, равенство и братство". Во время "холодной войны" обе стороны заявили, что являются наследниками этих идеалов. Но Запад стал выдавать себя за защитника свободы, в то время как Восток объявил себя защитником равенства и братства. Вы должны учитывать, что в 1940-50-е годы в Западной Европе все еще существовало влиятельное рабочее движение, особенно в Италии и Франции. ЦРУ было обеспокоено по этому поводу и опасалось, что СССР мог использовать профсоюзы, а также социалистических политиков, интеллектуалов и писателей из этих западных стран для того, чтобы влиять на политический процесс. В итоге появилась идея, что этой слабости Западной Европы можно противостоять путем создания новой интерпретации левых политических идей.

В ЦРУ пришли к выводу, что можно каким-то образом поддержать левые политические силы, которые больше не будут иметь связей с идеями социализма и коммунизма, а будут, так сказать, "некоммунистическими левыми". Внутри самого левого движения было много направлений деятельности, которые могли быть использованы в этих целях. Например, борьба против расизма и дискриминации, за права женщин, за либерализацию половой жизни, забота об окружающей среде и т.д.

Для достижения своей цели ЦРУ основала организацию "Конгресс за свободу культуры". Она организовала широкую сеть писателей, деятелей культуры, журналистов и ученых и поддерживала новые тренды внутри политических левых сил, которые бы отдаляли их от идеалов социализма и коммунизма — как с помощью денег, так и посредством освещения СМИ. Но в итоге в 1969 году о связи ЦРУ и "Конгресса за свободу культуры" стало известно. Из-за возмущения общественности организация была закрыта. Однако идея влиять на культуру так, чтобы это привело к ослаблению политических рычагов политического оппонента, определенно выжила. И этот момент надо учитывать,

— *То есть вы связываете культурную политику "холодной войны" со сменой эпох, в частности, с переходом от модерна к постмодерну?*

— У меня нет четкого доказательства, что философия постмодерна, которая господствует сегодня в западной культуре, — это прямой результат культурной политики, о которой я только что упомянул. Очень сложно, если вообще возможно, провести надлежащие исследования по этому вопросу в западных университетах. Но я определенно могу сказать, что существует своего рода выборочное сходство между западной идеологией "холодной войны", которая была сосредоточена на индивидуальной свободе, и основными вопросами и проблемами философии постмодерна, которая начала доминировать в интеллектуальных дискуссиях в 1980-е годы. Это точно можно увидеть, если исследовать гносеологические различия между эпохами модерна и постмодерна.

— *И в чем заключаются эти различия?*

— Модерн — это результат секуляризации христианства. Это значит, что многие из идей, ценностей и представлений, которые мы находим в христианской религии, мы также можем найти в эпохе модерна. Единственная разница состоит в том, что они преобразованы в современную форму. Например, модерн преобразовал христианскую веру в социальную справедливость в современную концепцию государства всеобщего благосостояния. Христианская вера в равенство перед лицом Господа превратилась в идею равенства граждан перед лицом закона. Христианская вера в правду, которая существует в Боге-отце, Христе и Святом Духе, стала в модерне идеалом Просвещения, которое основывалось на человеческой способности рассуждать. Христианская вера в спасение в конце истории превратилась в современную веру в прогресс внутри истории. Христианство с эпохой модерна соединяет линейное понимание истории. В целом можно сказать, что модерн сохраняет связь с предыдущей традицией. Он сохраняет традицию, модернизируя ее.

— *Получается, что постмодернизм занимает отрицательную позицию по отношению к традиции?*

— Да. Я приведу пример. В эпоху модерна понятие правды было связано с историей. Правда должна была подтвердиться и воплотиться в истории. Это было наследие христианской религии, которую можно описать как религию истории, потому что она также предполагала спасение в конце истории — как и большинство основных точек зрения в современном мире, начиная от коммунизма, социализма и социал-демократии, и заканчивая консервативными взглядами на мир. Все они понимали правду как нечто, что возникает в истории и должно быть доказано в истории и посредством нее.

Но в философии постмодерна эта связь между историей и правдой внезапно исчезает. Правда теперь понимается как нечто абсолютно другое. Она больше не связана с историей, не связана с общей идеей всего человечества. Теперь она связана с отдельными индивидуумами. Но, в сущности, это означает, что вариантов правды столько же, сколько и индивидуумов. На самом деле, многие философы постмодерна говорят именно это. Они утверждают, что существует много видов правды. Все это — всего лишь вопрос о том, с какой точки зрения ты смотришь, и т.д. Но если я утверждаю, что вариантов правды много, то, по сути, я говорю, что правды вовсе не существует.

— *Звучит как выражение нигилизма.*

— Да, сходства есть. Деструктивные шаблоны постмодерна также можно найти в других определениях, имеющих решающее значение для этого направления. Например, в определении идентичности. В эпоху модерна человек был освобожден от чрезмерно ограничительных традиций и обычаев. Но, в то же время, модерн создал новые формы коллективной идентичности — например, класс, партия, принадлежность к нации, культура или связь с историей. Все это были формы коллективной идентичности, которые занимали центральное место в модерне. Они связывали каждого отдельного человека с обществом. Но в эпоху постмодерна

каждая форма коллективной идентичности рассматривается как выражение доминирования, притеснения и дискриминации. Следовательно, философия постмодерна утверждает, что мы должны избавиться от всех этих коллективных идентичностей, разрушить их. Дошло до того, что один из трендов философии постмодерна, "гендерные исследования", даже отрицает сексуальную идентичность мужчины и женщины. Кажется, что окончательная цель – сделать зыбкой любую идентичность.

— Но как понятие зыбкой идентичности коррелирует с политикой по отношению к меньшинствам в западных странах?

— Это относится к другому важному аспекту философии постмодерна. Почти все теории постмодерна утверждают, что история подошла к концу. Они рассматривают западную либеральную систему как окончательную политическую систему в истории. Когда, например, Жан Франсуа Лиатар говорит о "Крахе великих нарративов", на самом деле это означает, что достигнуты цели, установленные в эпоху Просвещения. Человечество освобождено от предрассудков. Если это так, за что еще бороться? У философии постмодернизма есть очень четкий ответ на это: если история подошла к концу, нам осталось только освободить меньшинства, потому что они оказались в роли "опоздавших на поезд истории". На фоне такого понимания истории эпоха постмодерна дала волю бесконечному широкому обсуждению прав всех возможных видов меньшинств. Большинство из них определяется цветом кожи, этническим происхождением или сексуальной ориентацией.

— А чем так важна для эпохи постмодерна сексуальная ориентация?

— Хороший вопрос. Общественные дискуссии о правах сексуальных меньшинств на самом деле сейчас играют одну из самых доминантных ролей в западном мире. Общественность на Западе каждый день информируют о желаниях и привычках различных сексуальных меньшинств. Я думаю, это происходит потому, что здесь есть много общего с понятием свободы в постмодерне. В эпоху постмодерна свобода была основана на человеческой способности "пользоваться своим разумом без руководства со стороны кого-либо другого". Это было основой эпохи Возрождения. Свобода рассматривалась как выражение нашего сознания и разума. В эпоху постмодерна произошла переоценка. Теперь свобода больше относится не к нашему сознанию, а к нашей сексуальности. Тем не менее, именно наш разум делает нас людьми, отличает нас от животных. В то время как феномен сексуальности мы делим вместе с другими видами. Эта переоценка отлично взаимодействует с другими трендами в западном мире, например, ликвидацией права на неприкосновенность частной жизни через повсеместное наблюдение. Свобода сексуальности поощряется, в то время как право на тайну личной жизни, а вместе с этим и свободу мысли, ослабевает.

— Не могли бы вы привести более конкретный пример различий в понимании свободы в модерне и постмодерне?

— Например, разница в понимании свободы стала очевидной во время споров о панк-группе Pussy Riot. Он прекрасно показывает, что Россия все еще воспринимает себя в контексте модерна, в то время как Запад смотрит на мир через призму постмодернизма. Очень важным критерием модернизма было разделение государства и церкви. Изначально оно появилось именно на Западе как результат баланса сил между германским императором и европейскими королями, с одной стороны, и Папой Римским — с другой. Но в эпоху модерна было определено и подтверждено, что не только церковь не должна вмешиваться в дела государства, но и государство должно уважать то, что внутри церкви существует некая область, где чтятся святые законы, а не мирские. Например, церковные обряды не должны оцениваться или ограничиваться на основании светского миропонимания. Это был светский компромисс, который длился со времен Французской революции до настоящего времени. И философия постмодернизма поставила этот компромисс под вопрос, т.к. она стремится подвергнуть сомнению любую традицию вообще. Она требует полного господства мирского, даже в делах церковных.

— Но дело PussyRiot многие в России (и за ее пределами) многие восприняли именно как ситуацию, в которой церковь и государство начали вмешиваться в дела друг друга. В какой-то степени можно даже сказать, основываясь на вашей теории, что это восприняли как возвращение в период до эпохи модерна и Просвещения.

— Я думаю, что эти взгляды не подразумевают ни философского, ни исторического понимания процесса секуляризации как таковой. Наверное, люди, которые их придерживаются, полагают, что секуляризация определяется полным крахом религии. И что разделение государства и церкви может означать лишь то, что церковь должна приспособиться к обычаям современного светского мира, в то время как современный мир в ответ не обязан уважать церковные верования.

На самом деле светский компромисс – это намного более сложная вещь. Но сегодня он все больше подвергается сомнению на Западе. Мы можем это увидеть на примере других общественных дискуссий на эту тему. Например, два года назад в Германии обсуждался вопрос, нужно ли рассматривать обрезание в иудаизме как телесное повреждение и, следовательно, запрещать его. Такие дискуссии возможны только в эпоху постмодерна, когда право церкви или синагоги иметь пространство вне светского порядка больше не желают понимать. Я думаю, очень важно, что в России и в других странах по этому вопросу занимают другую позицию и сохраняют светский компромисс модерна, а вместе с этим — и христианское наследие.

— Получается, что мир модерна и постмодерна по-разному смотрят на основополагающие вещи, такие как идентичность, свобода, религия и т.д. А какой-то общий знаменатель у них есть, который позволит Западнему миру и странам, которые воспринимают себя в контексте модерна, стать ближе?

— Если вы определяете век постмодерна как эпоху, которая, как и модерн, возникла сама по себе, возможно, мы найдем некий общий знаменатель. Но, как я уже упомянул, эпоха постмодерна — по меньшей мере, дитя "холодной войны". Конечно, есть и естественные направления развития, которые поддерживают некоторые из трендов постмодерна, — например, технологическая

трансформация коммуникации. Но мы, возможно, и не увидели бы все эти новые ценности постмодерна, которые я описал, если бы не было "холодной войны". Она изменила историческую память традиций, на которых основывалась европейская культура.

Приведу пример. В США столь опасались марксизма, что исключили из академического дискурса в университетах не только его, но и Гегеля, потому что пришли к выводу, что Гегель в конечном итоге всегда ведет к Марксу. Но Гегель, как философ истории, в большой степени опирался на христианское наследие. Следовательно, можно утверждать, что существует связь, ведущая от нашего христианского прошлого к истории философии Гегеля и затем к Марксу и идеям социализма. Я не считаю совпадением, что теории постмодернизма выступают против и Маркса, и Гегеля, и христианского наследия, которых объявили ответственными практически за все. По-моему, мы должны преодолеть мировоззрение "холодной войны", а это значит — фактически преодолеть мировоззрение постмодернизма. Я думаю, что Россия может сыграть здесь важную роль.

— *Какую именно?*

— Россия — это единственная европейская страна за пределами ЕС и, следовательно, за пределами американской сферы влияния. Думаю, это дает возможность России взаимодействовать с европейской культурой так, как не может ни одна другая страна. Ценности постмодерна не столь универсальны, как ценности модерна. Природа ценностей постмодерна партикулярна. Это означает, что они не будут экспортированы на другие культуры и континенты. От Латинской Америки до Китая мы наблюдаем, что модерн XIX-XX веков был неким ориентиром. Некоторые арабские государства даже взяли для себя секуляризированные конституции. У модерна была некая универсальная природа. В то же время, постмодерну пока не удалось каким-либо образом перейти в другие культурные круги.

Поэтому Россия может предстать как другая Европа, которая до сих пор сохранила связь с великой европейской культурой нашего прошлого, универсальными ценностями нашей литературы, музыки и философии Просвещения. Существование второго толкования Европы со временем поможет интеллектуалам в ЕС достичь решающего понимания того, что американизация Европы была предательством.

Беседовала Татьяна Хрулева

Подробнее: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/07/26/1296473.html>